

18+

Александр Чмырёв

**ИСТОРИЯ ОДНОГО
ПАЛАЧА**

Александр Чмырёв

История одного палача

«Издательские решения»

Чмырёв А. В.

История одного палача / А. В. Чмырёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689174-6

В сборник вошли разные рассказы. Их объединяет стремление человека к свету, к покаянию и к Богу. В рассказах показывается человек на пределе своих возможностей, где только вера из последних сил помогает ему сохранить совесть чистой.

ISBN 978-5-00-689174-6

© Чмырёв А. В.
© Издательские решения

Содержание

История одного палача	6
Казнь	12
Семейное счастье	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

История одного палача

Александр Васильевич Чмырёв

© Александр Васильевич Чмырёв, 2026

ISBN 978-5-0068-9174-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История одного палача

Он не выбирал, где ему родиться, да и кто может такое выбрать? Мы можем долго рассуждать о том, кому везёт родиться в хорошей семье, а кому нет, но, думаю, наши рассуждения не приведут нас к истокам истины. Факт в том, что он родился в семье палача. И это ремесло передавалось из поколения в поколение. Жутко рассказывать о таком ремесле, и всё же... в те года, когда общество нуждалось в таких профессиях для наказания преступлений, то, соответственно, находились люди, быть может, из-за крайней бедности или по другим соображениям, которые оказывали такую услугу. Преступлений всегда хватало, и мир, который лежит во зле, способствовал тому, чтобы эти преступления никогда не оскудевали.

Папа очень гордился своим сыном и хотел, как и любой отец, приобщить его к своему ремеслу. Он давал ему уроки, и сначала они тренировались отсекал головы тыквам, чтобы с первого удара рассечь их напополам. А потом, когда сын уже уверенно держал меч в своих руках, однажды отец привёл бездомного бедного пса, которого привязал к столбу. Но до этого он пробовал свой меч на свиньях, это уже были не тыквы, которые спокойно ждали своей участи, свиньи затрудняли своё убиение движениями и словно понимали, что их ждёт. Но и здесь сын научился орудовать мечом так, что свинья оказывалась без головы.

С собакой было сложнее, сердце мальчика не могло выдержать в первый раз такого зрелища, и он расплакался. Отец был недоволен и рассердился. Собаку оставили до следующего дня. Отец объяснял сыну, что это их хлеб и что ему следует выбирать между благополучием семьи и жизнью какого-то пса, никому не нужного. И сын выбрал благополучие семьи. Он уже твёрдо держал меч и с одного удара отсек голову псу, но всё же после этого он долго плакал и говорил себе, что больше ни за что не будет убивать.

Грех как яд действует медленно, но уверенно, и мучения совести, а они у него были и были сильны, всё же притуплялись с каждым разом тем, что отец много рассказывал о казни, преподносил эти истории в таком смешном и романтическом свете, что сын постепенно отравлялся этим ядом, не замечая сам, как он попадает в эту ловушку. Совесть стала притупляться, особенно когда он видел отца, стоящего на коленях и молящегося Богу. Он не мог связать для себя профессию своего отца и веру в Бога. Для него это была неразрешимая загадка, и впоследствии он сам будет стоять на коленях и молиться, а после молитвы идти на работу и отсекал головы или мучить людей в зависимости от того приговора, который назначил судья.

Сын не имел простых радостей, которые имели дети в его возрасте. Он с самого своего детства не смог почувствовать радость тех совместных игр с другими детьми. Их дом находился далеко от других домов, и никто из близлежащих соседей не отваживался к ним приходить в гости. Они жили отшельниками, и это обстоятельство сильно наложило свою печать на взгляды юного создания. Да и как можно было играть с детьми палача – это не укладывалось в голову простым людям. Они были суеверны, и, думаю, считалось, что придёт неминуемая беда тому человеку, кто будет соприкасаться с этим домом.

Фридрих, ибо так звали ребёнка, не мог понять, почему их избегают люди. Когда он выходил за покупками, то все, видевшие его, сторонились и бежали как от чумы, а известно, что чума в те годы была настоящим ужасом для людей. Они знали о ней не понаслышке, поэтому сравнение с чумой как нельзя лучше отражает отношение соседей ко всему семейству палача.

Фридриху было больно от того, что он изгой, и только в семье он частично находил покой. Ремесло отца ему не нравилось, он презирал и себя, и своего отца, но в то же время по неисследимым изгибам его души можно было прочесть некую гордость за то, как отец мог одним ударом отсечь голову человеку. Как это уживалось в столь юном сердце – остаётся загадкой, но из таких вот загадок вырастает древо последующей жизни.

Отец всячески старался создать ореол романтический вокруг своей профессии и заставлял сына поверить, что он есть меч правосудия, и что это почётная обязанность – быть бичом в руках суда, и что такие, как они, избавляют общество от негодяев, убийц и разбойников. Но в глубине сердца Фридрих не мог сдаться этим волнующим сердца убеждениям отца, он противился всячески такому объяснению и в то же время как бы оправдательная завеса над чувствами закрывала большую часть его юной совести.

Даже с животными он не мог дружить, потому что как можно дружить с собаками, например, после того как ты отсекал им головы? И всё же ему очень хотелось проявить нежность к своей матери, которая была забитой женщиной, и даже проявить нежность к своему отцу, которого он видел страдающим и горячо молящимся Богу о прощении и мудрости – как можно совместить несовместимое. Отец жестоко страдал от укоров совести, какая-то часть её уже притупилась, но другая часть, как незаживающая рана, не могла исцелиться. Да и как ей можно было исцелиться, когда каждый раз он слышал мольбы о пощаде и хотел, может быть, помочь страждущему, но не мог и собственноручно казнил того, кого хотел помиловать.

И как он ни старался объяснить необходимость своих поступков, у него не получалось связать то, что невозможно связать между собою. Не может быть общего между тьмой и светом, не может быть общего между грехом и праведностью. И он, положивший всю свою жизнь на то, чтобы соединить несоединимое, вконец такую же ношу переложил на плечи своего сына. Отчаяние его было неисцелимо, и все доводы терялись в тьме этого отчаяния.

Это было глубоко внутри. Внешне же отец не подавал виду, чтобы ненароком не смутить своего сына своими сомнениями, так как он хотел, чтобы тот пошёл по его стопам, и в этой его борьбе, к сожалению, грех одерживал верх. Конечно, за Богом было последнее слово, и только Он видел сердце каждого человека, поэтому в этом рассказе я постараюсь не судить, но просто как можно точнее описать то положение, в котором оказалась эта семья.

Его семью презирали все, и если бы палач сделал какую-нибудь ошибку в своих кровавых действиях, его могла толпа побить камнями. Поэтому ему приходилось действовать весьма осторожно и угадывать, как музыканту – мелодию, так ему – настроение толпы, дирижёром и исполнителем которой он был сам. В то время публичные казни были очень распространённым явлением, и люди, как всегда, требовали хлеба и зрелищ. А что может так будоражить и волновать людей, как не убийство на их глазах? И не просто убийство, но убийство или мучение, воздвигнутое в рамки искусства.

Люди приходили на казнь как в театр, в котором были любимые уже актёры и роли, и роль палача была, по сути, одной из главных ролей, поэтому и требования со стороны толпы были к ней особыми. Вся эта мерзость и ужас, которые, не осознавая, делал палач, и соучастниками, одобрявшими его действия, были простые люди, вечером, быть может, признававшиеся в любви своим невестам, ласково обращающиеся со своими детьми, улыбающиеся шуткам, заботящиеся о своей семье и делающие ещё множество простых человеческих дел, но днём приходящие на казнь как в театр.

Это чудовищное соитие между обыденным и ужасным, уже с холодком увядшие сердца которых заставляло биться чаще зрелище на крови. Это настоящая трагедия человеческих судеб, грех как рак, распространившийся в зловонных изгибах человеческого сердца. Если бы не было зрелищ, возможно, не было бы и палачей, хотя это утверждение не точно, потому что и без зрелищ палачи в затаённых местах лишают жизни себе подобных людей.

Однажды Фридрих отправился по поручению отца в город. Он надел на глаза балахон, чтобы не выдавать себя, и в таком вот одеянии шёл по улицам города. Могли подумать, что он простой монах, и не обратить на него внимания, на что он и рассчитывал. Но, дойдя до главной улицы, он услышал шум и пошёл по направлению этого шума. Любопытство его влекло вперёд, и вскоре он очутился среди толпы людей и увидел вассала, который что-то говорил мужчине

с опущенной головой. Фридрих протиснулся в первый ряд. Видно было, что вассал был в гневе, и тот, кто вызвал его гнев, стоял перед ним с опущенной головой. Тогда вассал закричал:

– Ты достоин смерти, и сейчас отсекут тебе голову!

Он посмотрел вокруг, кому бы поручить эту миссию, и его взгляд остановился на Фридрихе.

– Ты, именно ты отсечёшь ему голову.

Фридрих сразу не понял, что обращаются к нему, но когда наконец до него дошло, он немного смутился, а потом подумал: наверное, это судьба, раз меня готовил отец к этому делу, то настал момент, когда я могу показать, на что способен. Он взял у вассала меч, мужчина начал умолять вассала не лишать его жизни, но последний был неумолим. Слуги поставили беднягу на колени, Фридрих размахнулся и с одного удара отсек ему голову.

С этих пор он стал палачом при дворе, и отец его гордился им, но стал молиться чаще, потому что теперь молил и о своём сыне, чтобы Бог даровал ему прощение. Всё было сложно в его жизни и в его мировоззрении, он не мог связать то, что не может быть связано, но всеми силами старался это связать. И когда он приходил в отчаяние, то взывал к Богу о помощи, но самое простое решение почему-то не мог принять и не мог отказаться от своей кровавой профессии.

Шли годы. Отец Фридриха умер и оставил ему в наследство хороший добротный дом, который стоял вдали от всех домов, немного денег, которых при бережливом отношении могло хватить Фридриху, впрочем, на многое, и свою кровавую профессию, во вкус которой Фридрих уже вошёл. Ему, молодому палачу, не лишённому разума, доставляло удовольствие то, что он мог справиться с трудной задачей быстро и точно, но всё же он не был бесчувствен, и где-то в глубине души он очень сочувствовал своим жертвам. Но профессиональная гордость и нравы общества того времени не давали развиваться чувству милосердия в его груди больше того, что у него было.

Он не один раз хотел избавить своих жертв от мучений и умерщвлял раньше, нежели, например, огонь охватывал осуждённого. Он ловко набрасывал на шею осуждённого тонкую верёвку и душил раньше, чем огонь заставил бы жертву мучиться. Но это было не часто, потому что люди могли заметить это движение, и тогда уже палач был бы на месте своей жертвы. Но мне кажется, что это больше похоже на выдумку, чем на правду, это предположение, и пусть останется предположением, не больше ни меньше.

Родственники жертв на мост, рядом с которым жил Фридрих, приносили дары, для того чтобы он не мучил их родных – брата или сестру, отца или сына, – но чтобы он убил их сразу, с одного удара, чтобы они не успели почувствовать боль. По мнению этих людей, от палача зависело, с мучениями умрёт их родной или нет. Я слышал об этом из своих источников, поэтому то, что пишется на этих листах, не претендует на истину в последней инстанции, но имеет вероятность того, что так, как здесь написано, так и происходило.

Фридриху отец передал по наследству сомнение, глубочайшее сомнение по поводу правильности своей профессии. Фридрих всё чаще становился на колени и молился Богу, он взывал о том, чтобы Бог дал ему прощение и помиловал его, изверга и отродье человеческого. Но в то же время он гордился тем, что мог с одного удара отсечь человеку голову, и оправдывал себя тем, что думал о себе как о мече правосудия, и что он бич для преступников и оружие справедливого суда. Как в нём всё это уживалось – остаётся загадкой, но то, что даже он нуждается в снисхождении, может быть фактом. Не нам судить человека, какой бы он ни был, и не нам выносить приговор, когда мы сами по невероятной милости Божьей не грешим этим грехом, но по своему невежеству и упорству грешим другими грехами.

Не оправдывая его действий, всё же хочется сказать, что мы все согрешили и нуждаемся в прощении, поэтому здесь хотелось, изложив суть дела, просто немного открыть понимание того, почему так происходит в жизни человека, и если мы хоть чуточку приблизимся к этому

пониманию, то, быть может, сами перестанем упорствовать в грехах и осознаем, что это мерзость, от которой нужно бежать.

Фридрих отточил своё мастерство палача за несколько лет. Ему было жалко своих жертв, и в глубине души он не мог смириться с тем, что он делает, но оправдание своих действий он видел в отражении общества на судьбу несчастных грабителей, убийц и воров. Он видел, как толпа кричала и улюлюкала во время казни, как глаза людей наполнялись ненавистью к осуждённым, и как народ во время казни бросал в осуждённых всем, что попадало под руку, и Фридрих видел в этом одобрение своих действий. Он был слишком молод, чтобы глубже посмотреть на весь ужас того, что он делал, но борьба между совестью и реальностью не прекращалась ни на минуту. К тому же он ничего другого не умел делать, но как-то нужно было зарабатывать себе на хлеб, и он к дополнению к своим оправданиям присовокупил и этот довод.

И всё же Фридрих не мог понять того отношения к нему, которое сложилось в обществе: с одной стороны, во время казни он был чуть ли не героем в глазах этих людей, но после казни, в обыденной жизни, его презирали и ненавидели так же, а может быть, и сильнее, чем его жертв. Это противоречие его угнетало и не давало покоя, терзало его сердце, которое стремилось, как и любое другое сердце, к тому, чтобы его принимали и любили люди.

И вот однажды он увидел девушку по имени Маргарет и влюбился. Эта любовь ещё сильнее заставила его сомневаться в том, что он делал. Впервые в жизни он по-настоящему захотел бросить свою профессию и стать таким же, как окружающие его люди, с нормальным ремеслом и хорошей семьёй. Он грезил о Маргарет и не мог ночью заснуть, всё думал о ней и как бы хорошо было, если бы у него появилась семья, как бы он любил её, как бы перевозносил до небес, как бы стал заботиться о ней и, даст Бог, о своих детях. У него было любящее сердце, хотя и надломленное. Он был изгоем и хорошо это понимал: как же сможет его полюбить девушка, да ещё такая красивая?

Но произошло чудо. Пути женского сердца, кто может познать их? Как-то, может быть, случайно, а может быть, и нет, они встретились на дороге, и Фридрих быстро на поле нарвал цветов и подарил ей букет. Она впервые держала букет от молодого человека, она боялась взять его, зная, кто он, но врождённая скромность и доброта сделали своё дело: Маргарет приняла от него букет и побежала домой.

Сердце Фридриха пело в груди, он готов был всех любить и радовался, как ребёнок, лучам солнечного света, всё стало прекрасно в один миг, весь мир словно улыбался ему. Он не спал эту ночь, но был в восхитительных мечтаниях. Дома он упал на колени и зарыдал от счастья, но вдруг вспомнил о том, кто он, и заплакал сильнее. Он молился Богу, чтобы Бог помог ему и расположил сердце Маргарет к сердцу Фридриха.

Через неделю они опять встретились возле поля, и Фридрих уже шёл с букетом. Он каждый раз, когда ходил по этой дороге после того случая встречи с Маргарет, набирал букет полевых цветов в надежде, что встретит её, любовь всей его жизни. И вот вновь он встречает Маргарет и дарит ей букет цветов. На её лице разыгрался румянец, она улыбнулась ему, и сердце его запело всеми мелодиями душевной радости. Они прошли вместе небольшой отрезок пути, и Фридрих был счастлив от того, что она идёт рядом с ним. Он робко взял её за руку и почувствовал тепло её ладони, она не сопротивлялась ему, и так, держась за руки, он проводил её домой.

Так они встречались на этой дороге, на этом небольшом отрезке пути. Он провожал её домой, но не доходил до дома, боясь, что его увидят. Но так долго продолжаться не могло. Его увидели соседи и набросились на него с кулаками, он мужественно выдержал побои, не сопротивляясь им, потому что понимал, какой он негодный человек. Маргарет пыталась его защитить, но её никто не слушал.

Так произошла трагедия. Семья Маргарет, узнав, с кем она дружит, закрыла её в комнате и запретила с ним встречаться. Но было уже поздно: сердце Маргарет впервые влюбилось.

Семья долго сопротивлялась этой любви, все были настроены против палача, и даже прикасаться к нему считалось среди простого народа за грех. Но так как Маргарет не была красавицей, и навряд ли кто-нибудь женился бы на ней, а доход у Фридриха был большой, то в конце концов родители благословили их союз, и вскоре Маргарет вышла за Фридриха замуж.

Маргарет уговаривала мужа бросить его профессию и заняться достойным ремеслом, но Фридрих не знал ничего, кроме своего дела, и, как ни разрывалось его сердце от её просьб, профессию свою не бросал. Так они и жили: она всячески заботилась о нём, а он очень любил свою Маргарет. Люди же проклинали и её, и его: её – за то, что она вышла замуж за палача, а его – за то, что он не бросал своей профессии. Жить им было очень тяжело, но любовь друг к другу согревала им сердца. Она была верной и любящей женой и старалась своей преданностью и любовью изменить взгляды своего мужа, он очень ценил и любил свою Марго, но профессию не менял.

Что это было за наваждение – нельзя было понять. Но то ли в память о своём отце, то ли считая себя мечом правосудия и глубоко будучи убеждённым в этом, Фридрих не отступал от своего труда палача. Это был его грех и его проклятие, в котором он сам был виноват. Но мы не судьи и не можем осудить другого человека, мы можем осудить только поступки, которые он совершает, иначе нам суждено было бы первыми быть осуждёнными. Как сказал однажды Христос: «Пусть первым бросит камень тот, кто без греха». Я прожил большую часть жизни и не видел ни одного человека, который был бы без греха, и это факт, от которого невозможно ни скрыться, ни избежать.

Фридрих, несмотря на то что очень любил свою жену, не мог оставить то ремесло, которое приносило им доход, и вопрос был гораздо глубже, чем просто материальное обеспечение. По невероятным своим умозаключениям он действительно считал, что является Божьим правосудием, и это была трагедия. Он научился от отца своего молиться Богу, но у них в доме не было Библии, и он только смутно догадывался, что есть хорошо и что есть плохо. Он нисколько не сомневался в виновности осуждённых на смерть – таковы были нравы эпохи, таковы были нравы Фридриха, он был сыном своего века. Это не оправдывало его деяния, но даёт, возможно, нам повод к тому, чтобы снисходить к невежеству этого человека.

Фридрих был настолько твёрдо уверен в том, что суд не может ошибаться и что наказание преступникам соответствует их деяниям, что не допускал в этом вопросе сомнений. И всё-таки он сомневался, одобряет ли Бог то, что он делает, угодна ли Богу его профессия. Он продолжал молиться, и молитва его лилась из его измученного сердца. Нести такую ношу греха невозможно человеку, чтобы не страдать от такой ноши.

У них появились маленькие детки – мальчик и девочка. Они души не чаяли в своих малютках и окружили их всей своей любовью. Марго стала матерью, и это отвлекло её от мрачных мыслей. Фридрих почти был счастлив, он приносил много подарков своей жене и детям, но, в отличие от отца, он впервые не захотел, чтобы его дети пошли по его пути. Он желал им лучшей судьбы.

Однажды Фридрих узнал, что заключённый, которого приговорили к смертной казни, не был виновен. Это взорвало его психику. Он не знал, что делать – отказаться ему от того, что он делал всю свою жизнь, или закрыть глаза. Но закрыть глаза у него не получалось, совесть, как проснувшийся зверь, впивалась в сознание своими когтями, как лев, и была беспощадной. Он упал на колени, но небо было словно свинец, и молитвы его возвращались в лоно его. Он долго простоял на коленях, но так и не пришёл к решению. Всё его сознание протестовало против преступления, ибо он знал, что это уже точно преступление против совести и Бога. Но привычка, эта каменная глыба, которая придавливает волю человека, сделала своё дело. Он облачился в своё одеяние и отправился на свою работу.

Он уверял себя в том, что, возможно, это ошибка и что преступник виновен, но сердце подсказывало ему, что нет на нём вины. Когда он увидел его глаза, наполненные ужасом и отча-

янием, он окончательно понял, что этот осуждённый не виновен. Но суд решил иначе, зачитав приговор, и толпа кричала: «Смерть ему!» И Фридрих дрогнул. Он взял меч и, не понимая, что творит, отсёк ему голову.

Это была последняя казнь Фридриха. Он прибыл домой и слёг в постель. Жена и дети волновались о нём, но он лежал, ничего не сказав, только смотрел в окно, и губы его шевелились. Он пролежал так в постели несколько дней – и умер.

Такая маленькая или большая трагедия произошла в германской земле в средние века. Но, к сожалению, пока живёт обычай казнить людей за проступки и преступления, трагедии не смогут закончиться, и все мы – и осуждённые, и осуждающие – являемся непосредственными участниками этих трагедий.

Казнь

Он рос в доброй и благополучной семье. На его маленькие плечи никогда не возлагали больших обязанностей, ибо все считали его ещё ребёнком. И когда однажды сама жизнь положила на него тяжёлую ответственность, ему казалось, что это непосильная ноша, которую невозможно понести.

На него возложили преступление, которого он не совершал. Наказанием за это преступление была казнь – публичная, как это делали прежде, чтобы, с одной стороны, развлечь народ и дать ему зрелищ, а с другой – чтобы послужить назиданием тем, кто сомневается, совершать ли преступление или нет. Правительство полагало, что, увидев возмездие, человек может образумиться. Общественное мнение словно оправдало для себя это ужасное событие, называемое публичной казнью. И хотя совесть всё ещё тревожила сердца людей, видящих это зрелище, происходило это как будто под анестезией: душа не просыпалась, а потому не чувствовала боли и отвращения за чужую жизнь, стоящую на эшафоте.

Ему казалось, что всё происходящее – словно сон. Он не мог поверить, что такие же люди, как он, способны принести ему такое бесчеловечное зло. Он смутно начинал понимать, что они собираются сделать с ним – с добрым и невиновным человеком; виновным, как и все люди, в грехах, но невиновным в том преступлении, в котором его обвиняли.

Что же делать? Он опустился на колени и стал горячо молиться, изливая своё сердце пред Богом. Он говорил, что не совершал этого преступления – говорил так, словно Бог мог этого не знать. Но Бог знал всё и был милосерден к нему. Однако Его милосердие было не тем, какого ожидали бы люди: оно простиралось гораздо дальше человеческих мыслей и желаний – оно простиралось в вечность.

Молодой человек делал всё механически, но после молитвы ему стало легче. «Значит, ещё есть надежда», – думал он, когда палач готовил орудие убийства, которое считал правосудием. О, как он и другие заблуждались!

Молодой человек стоял бледный, и когда ему зачитывали приговор, он стал понимать – пусть и словно во сне – что это смерть, что помилования от людей не будет. Его мозг судорожно работал, пытаясь найти хоть один путь избежать казни. Ничего не находя, он сжимался от внутренней боли, которая достигала такой силы, что ему казалось: он умрёт раньше, чем казнь будет исполнена.

Время тянулось одновременно медленно и быстро. Ему велели стать на колени. Священник прочитал молитву. Положив голову на плаху, он из последних внутренних сил произнёс: «Да будет воля Твоя, Отче Небесный».

И спокойно стал ждать, когда топор опустится ему на шею.

Так казнили этого молодого человека.

Семейное счастье

Доброе утро, любимый.

Доброе утро, любимая.

– Как тебе спалось?

– Ты знаешь прекрасно. Мне приснился такой хороший сон – удивительный и правдоподобный. Будто мы с тобой поехали на море, была чудесная погода, и мы жили в пятизвёздочном отеле, ни в чём себе не отказывая. Мы катались на яхте, над нами парили чайки, море было изумрудно-голубым, и всё у нас было хорошо.

– Да, дорогая, это действительно чудесный сон. А мне вот ничего не снилось, но кажется, я полностью выспался – и это так прекрасно. Ты у меня такая красивая: твои глаза, твои волосы, твоя фигура... Ты такая красавица и умелица, я горжусь тобой.

– Спасибо, милый, я тебя тоже очень люблю.

Так начиналось это прекрасное утро. Они в нежности обнимали друг друга, долго говорили комплименты, улыбались... пока вдруг не вспомнился прошедший день – тот самый день, когда муж не убрал вымытую посуду в шкаф.

– Милый, ты такой забывчивый, – сказала она.

– Почему, дорогая? Я всё помню... ну, стараюсь, по крайней мере.

– Нет, не помнишь. Ты вчера не убрал посуду с сушилки.

– Но это же пустяки. Ты всегда придираешься из-за пустяков!

– Для тебя – пустяки. Ты безалаберный и не приученный к жизни мужлан!

– А ты... ты истеричка!

– Я? Истеричка? Да на мне весь дом держится! Как язык твой повернулся сказать такое?!

– Я бы ничего не говорил, если бы ты первая не начала, – сердито выпалил он, краснея.

– Это я первая начала? А кто не поставил на место посуду? Я?

– Нет, это ты! Ты всегда такой – ничего не хочешь делать по дому. Я устала всё тянуть на себе, а ты и пальцем не пошевелишь, чтобы помочь!

Она гневалась, и оскорбительные слова лились из её уст. Он же всё принимал близко к сердцу. Когда она сказала: «Ты негодяй!», – его сердце не выдержало.

Это случилось не в один день. Подобные скандалы продолжались долго и медленно разрушали их сердца. Они пытались реанимировать свои чувства, но, не желая уступать друг другу, снова и снова причиняли боль словами.

Он схватился за сердце и упал на кровать – ту самую, на которой ещё недавно они говорили друг другу нежности. Она в панике вызвала скорую.

Запах спирта и медицинских препаратов наполнил комнату. Она в углу отчаянно молилась за него, ибо, несмотря ни на что, очень любила. Он долго не мог прийти в себя, но врач сделал укол, и он очнулся.

Когда врач уходил, он подозвал её, выписал рецепт и как бы между прочим сказал:

– Вы знаете... это чудо, что он остался жив. Ему нельзя волноваться. Ни в коем случае. Иначе сердце не выдержит.

Она всё поняла. Долго плакала, держа его за руку, и говорила о своей любви. Он улыбался счастливой, почти детской улыбкой и отвечал ей словами любви. Они снова стали самой счастливой парой.

Теперь каждый из них иногда думал:

«Неужели так важно было то, из-за чего мы довели друг друга до слёз и сердечного приступа? Кому бы мы говорили свои упрёки, если бы кто-то из нас умер? Зачем это всё было в нашей жизни? И сколько боли мы причинили друг другу?»

Они думали об этом порознь, но, будучи вместе, с того дня стали учиться быть добрыми и нежными друг к другу. С Божьей помощью им удавалось не упрекать, а любить и быть счастливыми.

Если она делала что-то не так, как хотелось ему, он тихо говорил:

– Милая, ничего страшного. Это пустяки. Главное, что ты есть у меня.

Если же он делал что-то не так, как хотелось ей, она отвечала:

– Милый, ничего страшного. Это пустяки. Главное, что ты есть у меня.

Париж

Анна Павловна с детства мечтала побывать в Париже. Ей казалось, что все её беды, все разочарования в жизни происходят только потому, что она ещё ни разу не была там. Париж был для неё не просто городом на карте мира – он казался выходом из всех жизненных трудностей, ключом к счастью и утешением для души.

Она помнила знаменитую фразу, брошенную кем-то из великих или безумцев: «Побывать в Париже и умереть». Анна Павловна словно жила этой фразой, считая её вершиной остроумия и смыслом своей мечты. Но она не знала, как осуществить это желание – столь привлекательное и дорогое её сердцу.

Мечты иногда направляют все наши усилия и стремления в ту пучину страсти, которой они наделены, особенно если эти мечты не отражают воли Божьей. Но Анна Павловна не просто мечтала о Париже: она молилась об этом желании Богу и тайно собирала средства на поездку.

Это была неземная страсть всей её жизни. Она прочитала всё, что только могла найти о Франции и Париже. Иногда Париж снился ей. Если она брала в руки художественную литературу, то выбирала преимущественно французскую. Париж определял не только её вкусы, но даже стиль одежды и выбор духов. Она записалась на курсы французского языка и по вечерам учила новые слова.

Анна Павловна настолько ценила всё французское, что почти не обращала внимания на то, что предлагало ей родное – украинское. Только французское, только Париж казались ей достойными её драгоценного внимания. Это мучило её и в то же время давало странное, почти болезненное чувство радости, когда ей удавалось прикоснуться к чему-то французскому.

Казалось, что именно это возвышает её душу в мире, который, по её убеждению, без Франции был бы ничем.

Она преображалась и светилась счастьем, когда где-нибудь – даже на барахолке – удавалось найти вещицу из Франции. А если эта вещь была прямо из Парижа, её восторгу не было предела. Щедрость её в такие минуты была безграничной. Она не была богата, но и бедной не считалась. Лучше прожить месяц впроголодь, чем лишиться себя счастья купить вещь «из Франции», а тем более «из Парижа».

На оставшиеся деньги она жила и понемногу откладывала на путешествие. Париж стал её миром, её грёзами, её дыханием. Она жила будто в сне, вращаясь вокруг одной-единственной мечты. Напоминания о том, чтобы она обращала внимание на обычные земные заботы, казались ей почти кошмарными.

И вот наступил долгожданный день. Анна Павловна пересчитала свои сбережения – и, о чудо, их оказалось ровно столько, сколько нужно для исполнения мечты. В тот же день она заказала билеты в Париж. Сердце её пело. В каждом её движении чувствовались восторг и блаженство. Она кружилась по дому, словно танцуя, а в воображении её уже сияли миллионы огней Парижа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.